

УДК 811.161.1 (075)
DOI 10.52452/19931778_2021_2_198

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ «Я» В ПРОЦЕССАХ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ И СУБСТАНТИВАЦИИ

© 2021 г.

И.Ю. Гранева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

irina.graneva@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2021

Освещаются смысловые, грамматические и функциональные преобразования русского личного местоимения I л. ед. ч. *Я* в контексте процессов семантической деривации. Рассматриваются типовые модели лексикализации и субстантивации местоимения *Я*, которые выступают как две стадии перехода определенных типов употребления этого местоимения от дейктической к номинативной функции. Охарактеризовано 5 производных типов лексикализованного употребления местоимения *Я*, в которых оно сохраняет местоименные грамматические признаки, и 5 производных типов субстантивированного употребления местоимения *Я*, в которых оно полностью переходит в несклоняемое существительное среднего/мужского рода.

Ключевые слова: русские личные местоимения, местоимение *Я*, тип употребления, лексикографическое портретирование, семантическая деривация, лексикализация, субстантивация, русский язык.

В статье продолжается начатое в нашей предыдущей работе «Русское личное местоимение «я» в коммуникативно-прагматическом освещении» комплексное описание семантики и особенностей функционирования русского личного местоимения I л. ед. ч. *Я* в рамках коммуникативно-прагматического подхода [1–4]. Если на первом этапе исследования рассматривались типовые употребления местоимения *Я*, закрепленные в речевой практике общества и регулярно воспроизводимые в речи, то, в соответствии с принятой концепцией исследования, следующий этап комплексного коммуникативно-прагматического описания типов употребления местоимения *Я* состоит в рассмотрении семантически производных, «вторичных значений» этого местоимения [4]. Ряд из них также фиксируется в разнообразных словарях и грамматиках в виде «оттенков смысла», с пометами *сущ.*, *част.*, *междом.* и *под.*, что как раз отражает их «вторичный», производный характер.

Цель исследования – проанализировать производные типы употребления местоимения *Я* как результаты явлений полной или частичной переходности местоимения в существительное, условия и признаки указанной переходности, особенности речевой реализации процессов субстантивации и лексикализации местоимения *Я*.

Методологической базой исследования являются теоретические идеи К. Бюлера о трансформации дейктической функции личных местоимений в номинативную [5], некоторые положения теории языковой концептуализации мира, изложенные в работах [6–9], концепция

«интегрального описания языка» Ю.Д. Апресяна [10], принципы семантического метаязыка толкований Анны Вежицкой [11], референциальный анализ местоимений, представленный в трудах Е.В. Падучевой [1; 12], а также идеи и принципы «порождающей семантики», предложенные в работах [13; 14].

Центральным понятием для данного исследования является научное понятие «тип употребления», которое предложено нами в работе [4] на основании сформулированного в исследованиях Е.В. Падучевой понятия «денотативного статуса», или «типа референции», местоимения [1]. В наших работах термин «тип употребления» выражает научное понятие, обобщающее такие известные и общепринятые термины, как «значение», «оттенок смысла», «лексико-семантический вариант» и др.: имеется в виду определенный тип значения единицы, возникающего в типовых же коммуникативных и прагматических условиях в конкретных речевых актах, который отражает только одну сторону ее общей семантики, а именно «экстенционал», «семантический объем», т.е. объект/объекты внеязыковой действительности, на которые указывает данное словоупотребление.

Непосредственными методами исследования в работе выступают когнитивно-ориентированный метод анализа семантической производности на базе методик, предложенных Е.В. Падучевой и Г.И. Кустовой [13; 14], и метод коммуникативно-прагматического анализа референции местоимений, отраженный в работах [1; 2].

Материалом исследования выступают теоретические сведения «Русской грамматики–80» [15]; данные русского семантического словаря [16] и основных русских толковых словарей [17–23].

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть востребованы в лексикографической практике – в составлении семантических словарей нового типа, как, например, «Русский семантический словарь» [16], а также применены в лингвистической экспертизе по разным категориям дел по методике, представленной в работах [24; 25] и уже апробированной в работе [26].

На предыдущем этапе анализа нами было выявлено 8 типов референтных употреблений и 2 типа нереферентных употребления местоимения *Я*, которые, при всех своих различиях, имеют одно общее: все эти употребления в целом в той или иной степени сохраняют дейктическую функцию местоимения, которая является для местоимений основной. Далее мы покажем, что местоимение *Я*, как и другие личные местоимения (см. наши работы [3; 4]), в специфических синтагматических условиях «ведет себя» в какой-то степени аналогично номинативным частям речи, прежде всего – существительным, т.е. входит в определенные схемы «семантической деривации» по моделям конверсии – перехода из одной части речи в другую. При этом данные модели имеют отчетливую когнитивную интерпретацию [27]. Кроме того, для семантической деривации подобного типа необходимы особые референциальные, семантические, стилистические и коммуникативно-прагматические условия [4].

Теоретическая возможность приобретения личными местоимениями контекстуальных свойств, позволяющих им выполнять номинативную функцию и приобретать грамматические признаки, присущие «полноценным» знаменательным словам (родовую и числовую принадлежность, способность сочетаться с определяющими прилагательными и пр.), обоснована еще К. Бюлером [5]. Также и академик В.В. Виноградов, говоря об определенной двойственности местоимений, которые, с одной стороны, выступают как чисто дейктические единицы, а с другой – являются «субъективно-объективными» словами, указывал на то, что в ряде употреблений местоимения могут осмысливаться как грамматические предметы [28, с. 260].

В наших предыдущих исследованиях на примере употребления местоимения *МЫ* [3; 4] были теоретически разграничены семантические процессы **лексикализации** и **субстантивации** личных местоимений как две стадии пе-

рехода от дейктической функции к номинативной (**номинативизации дейксиса**). **Лексикализация** в этом плане выступает как начальный этап указанной номинативизации – это чисто семантический процесс, который связан с переосмыслением первичной, исходной дейктической функции местоимения (которое по тем или иным причинам перестает указывать на непосредственного участника коммуникации) и не сопровождается грамматическими эффектами перехода личного местоимения в другую часть речи.

Применительно к местоимению *Я* возможна, например, лексикализация его отдельных падежных форм, которые приобретают семантику номинативного или экспрессивного типа, уже никак не связанную с указанием на участника коммуникации – говорящего в непосредственной ситуации общения. При этом у нас нет основания говорить, что местоимение в целом в данных контекстах меняет свою частеречную принадлежность.

Такого рода «застывшие» лексикализованные формы местоимения *Я* отмечены в русских словарях. Прежде всего это предложно-падежная форма родительного падежа с предлогом *У* – *у меня* и дательного падежа с предлогом *КО* – *ко мне*, которые, согласно БАС, «употребляются в значении какого-либо места, где говорящий живет, работает и т.п.: *Дон Карлос, перестаньте! Вы не на улице – вы у меня – извольте выйти вон.* Пушкин. Кам. гость, 2; – *Елена! Вы бы пришли ко мне.* Убрать кое-что надо. Корол. Не страшное, 4» [22].

Еще одна застывшая форма дательного падежа *МНЕ* используется в разговорной речи в экспрессивном значении сродни эмоциональной частице – например, в БАС: «Употребляется для выражения досады, опасения и т. п. при личной заинтересованности в чем-либо говорящего: *Разбудите мне только ребенка!*» [22]. В МАС это значение толкуется схожим образом: «Употребляется для выражения досады, раздражения или личной заинтересованности: [*Патриарх:*] *Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! буду царем на Москве!* Пушкин, Борис Годунов» [21]. Ср. также в «Русском семантическом словаре»: «О говорящем как о лице, не допускающем противодействия, угрожающем или осуждающем (разг.): *Поговори ещё мне! Уж эти мне сплетники!*» [16].

Ряд лексикализованных форм, свойственных в основном разговорной речи, может быть использован в метаязыковом употреблении.

(1) Предложно-падежная форма дательного падежа с предлогом *ПО* – *по мне* может использоваться с семантикой 'источник мнения, сообщения', в функции частицы: «По моему мне-

нию, на мой взгляд, на мой вкус: [Франц:] *Черт побери наше состояние! – Да по мне лучше быть последним министрелем.* Пушк. Сцены из рыц. времен» [21–23]. В РСС указывается еще одно, более конкретизированное значение этой предложно-падежной формы: «по моему размеру, росту: *Платье как раз по мне*» [16].

(2) Предложно-падежная форма родительного падежа с предлогом *У* – *у меня* может использоваться в роли экспрессивной частицы: «Выражает предупреждение, предостережение, угрозу и т.п.: – *Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!* Пушк. Дубровский, I, 1» [22].

В соответствии с принятой в нашей работе [4] системой индексации типов употребления для «лексикографического портретирования», указанным производным лексикализованным типам употребления (которые по определению нереперентные) могут быть приписаны следующие индексы:

– ПЛУ_{у меня / ко мне (ном)} (производное лексикализованное употребление, с застывшими формами *у меня / ко мне*, с номинативной семантикой);

– ПЛУ_{мне (экспр)} (производное лексикализованное употребление, с застывшей формой *мне*, с экспрессивной семантикой);

– ПЛУ_{по мне (экспр)'} (производное лексикализованное употребление, с застывшей формой *по мне*, с экспрессивной семантикой, первый вариант значения);

– ПЛУ_{по мне (экспр)''} (производное лексикализованное употребление, с застывшей формой *по мне*, с экспрессивной семантикой, второй вариант значения);

– ПЛУ_{у меня (экспр)} (производное лексикализованное употребление, с застывшей формой *у меня*, с экспрессивной семантикой).

Согласно принятой концепции исследования, от явлений лексикализации следует отличать явления **субстантивации**, которые выступают в качестве второй стадии отмеченного нами процесса «номинативизации дейксиса» [4], когда местоимение *Я* переходит в полноценное несклоняемое существительное, с соответствующими грамматическими признаками: с морфологической категоризацией по среднему (реже – по мужскому) роду и с возможностью определяться прилагательными, местоимениями-прилагательными или порядковыми числительными.

Так, «Краткая русская грамматика» отмечает наличие для личных местоимений довольно активной модели перехода в существительное, например, для *Я* – это оформление значения 'личность, индивидуум': *Собственное «я»* [29, с. 208]. Аналогично в «Русской грамматике–1980»: «Местоимения *я* и *ты* могут утрачивать

местоименное значение: слово *я* приобретает значение 'личность, индивидуум'; слово *ты* употребляется при непринужденном обращении к кому-н. как к близкому человеку, другу (это отражается во фразеологизме *на «ты» говорить, обращаться к кому-н.*). При этом слова *я* и *ты* получают признак сред. р.» [15, с. 529].

В русских словарях отмечаются следующие варианты употреблений для *Я* в роли несклоняемого существительного **среднего рода** (часто такое субстантивное *Я* маркируется кавычками, чтобы отличать его от обычного, местоименного *Я*):

(1) «Употребляется для обозначения самого себя как личности, индивидуума, сознаваемой человеком собственной сущности: *Еще несколько вещей было пропето... Гремушкин замер в своем темном углу. Его «я» отсутствовало. Он отдавался женщине и ее великой чаре – голосу.* Бобор. На ущербе, I, 14» [16; 19; 20; 22; 23];

(2) «Употребляется при противопоставлении человека окружающей среде: *Здесь [в театре] ваше холодное я исчезает в пламенном эфире любви.* Бел. Литер. мечтания, 9; *Пессимизм вытекает не из своего личного «я», а из окружающих обстоятельств, действующих на это «я».* М. Анток.» [19; 20; 22];

(3) «В философии – то же, что субъект (в 1-м знач.): *Человек идет далее животных, понимая самобытную замкнутость своего «я», «я» есть подтверждение, сознание своего тождества с собою, снятие души и тела, как противоположных, единством личности.* Герцен, Письма об изуч. прир. 2.» [19; 20; 22; 23].

В МАС все эти три разные употребления объединяются в одном словарном толковании: «Употребляется для обозначения сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя в окружающем мире, а также для обозначения субъекта (в философии)» [21]. В соответствии с принятой в наших работах системой индексации данным разновидностям употреблений можно приписать следующие индексы:

– ПСУ_{ср.р.'} (производное субстантивированное употребление, среднего рода, первый вариант значения);

– ПСУ_{ср.р. ''} (производное субстантивированное употребление, среднего рода, второй вариант значения);

– ПСУ_{ср.р. '''} (производное субстантивированное употребление, среднего рода, третий вариант значения).

В качестве особой разновидности субстантивированных употреблений выступают так называемые «**автономные**», или «**автореперентные**», употребления, в трактовке Е.В. Падучевой [1], когда какое-либо словоупотребление

имеет своим референтом не объект или класс объектов в реальности, а факт использования самого слова, т.е. обозначает реакцию говорящего на произнесение какого-либо слова или выражения адресатом: иными словами, выражение *ваше я* примерно означает 'ваше употребление слова *я*' или 'сказанное вами слово *я*', также в выражении *слово «я»* и под. – ср. пример из БАС: «Павел потерял ощущение отдельной личности. Все эти дни были напоены жаркими схватками. Он, Корчагин, растаял в массе и, как каждый из бойцов, как бы забыл слово «я», осталось лишь «мы»: наш полк, эскадрон, наша бригада» [22]. Этому типу употребления можно приписать следующий индекс:

– ПСУ_{ср.р.}^{AP} (производное субстантивированное употребление, среднего рода, автореферентное).

В «Русской грамматике–1980» представлены данные о существовании в русском языке модели субстантивации местоимения *Я* по мужскому роду: «Местоимение *я* может также развивать значение 'любой, всякий человек, человек вообще': *Было бы хорошо, если бы книга с шутливым названием «Мама, папа и я» была прочитана каждым «я», каждой матерью и отцом, порождающими новые «я»* (журн.). В этих случаях слово *я* получает признак **мужского рода**» [15, с. 530].

Этому типу употребления можно приписать следующий индекс:

– ПСУ_{муж.р.} (производное субстантивированное употребление, мужского рода).

В заключение мы можем наметить семантическую структуру производных типов употребления для местоимения *Я* (по определению – неререферентных) как результатов процессов лексикализации и субстантивации, которая приобретает следующий вид.

I. Производные лексикализованные употребления (лексикализованные формы местоимения):

– ПЛУ_{у меня / ко мне (ном)} (производное лексикализованное употребление, с застывшими формами *у меня / ко мне*, с номинативной семантикой);

– ПЛУ_{мне (экспр)} (производное лексикализованное употребление, с застывшей формой *мне*, с экспрессивной семантикой);

– ПЛУ_{по мне (экспр)'} (производное лексикализованное употребление, с застывшей формой *по мне*, с экспрессивной семантикой, первый вариант значения);

– ПЛУ_{по мне (экспр)''} (производное лексикализованное употребление, с застывшей формой *по мне*, с экспрессивной семантикой, второй вариант значения);

– ПЛУ_{у меня (экспр)} (производное лексикализованное употребление, с застывшей формой *у меня*, с экспрессивной семантикой).

II. Производные субстантивированные употребления (несклоняемые существительные среднего/мужского рода):

– ПСУ_{ср.р.'} (производное субстантивированное употребление, среднего рода, первый вариант значения);

– ПСУ_{ср.р. ''} (производное субстантивированное употребление, среднего рода, второй вариант значения);

– ПСУ_{ср.р. '''} (производное субстантивированное употребление, среднего рода, третий вариант значения);

– ПСУ_{ср.р.}^{AP} (производное субстантивированное употребление, среднего рода, автореферентное);

– ПСУ_{муж.р.} (производное субстантивированное употребление, мужского рода).

Данное семантическое представление местоимения *Я* выступает как дополнение и расширение его «лексикографического портрета», основа которого была описана в предыдущем исследовании.

Список литературы

1. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
2. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвузовский сборник научных трудов. Владимир: ВГПИ, 1989. С. 5–12.
3. Гранева И.Ю. О референтном и неререферентном употреблении местоимения *мы* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 206–210.
4. Гранева И.Ю. Местоимение *мы* в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход: Дис. ... канд. филол. наук. ВятГГУ. Киров, 2010. 197 с.
5. Булер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем.; Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной, А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
6. Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Сборник научных трудов. Н. Новгород: НГПУ, 1999. С. 34–41.
7. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
8. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL:

www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 18.06.2020).

9. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В. и др. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.

10. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.

11. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

12. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

13. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня: Сборник статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 395–417.

14. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

15. Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова; АН СССР. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Т. I. М.: Наука, 1980. 788 с.

16. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 4-х т. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой (РСС). Т. I. М.: Азбуковник, 1998. 807 с.

17. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. (СД). Т. 4. М.: Рипол-Классик, 1999. 1144 с.

19. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. (СЕ). Т. II. М.: Русский язык, 2000. 1088 с.

20. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 14-е изд., доп. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова (СО). М.: Азбуковник, 2000. 944 с.

21. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). Т. 4. М.: Русский язык, 1988. 802 с.

22. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). Т. 16. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 1074 с.

23. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова (СУ). Т. 4. М.: Терра, 1996. 1064 с.

24. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.

25. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18–21.

26. Радбиль Т.Б., Юматов В.А., Гранева И.Ю. Манипулятивный потенциал русских местоимений в лингвистической экспертизе спорных текстов // Язык и метод–6: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI в.: Сборник научных трудов / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 147–153.

27. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.

28. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.

29. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.

SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF RUSSIAN PERSONAL PRONOUN «YA» («I») IN LEXICALIZATION AND SUBSTANTIATION PROCESSES

I.Yu. Graneva

The article considers semantic, grammatical and functional transformations of the Russian personal pronoun 1st p., Sing. «Ya» («I») in the aspect of semantic derivation processes. Typical lexicalization and substantiation models of pronoun «Ya» («I») which reflect two stages of its conversion from deictic to nominative function are analyzed in the study. The work presents 5 derivative types of lexicalized usages which retain pronominal grammatical properties, and 5 derivative types of substantiated ones which express its total conversion to indeclinable masculine / neuter noun.

Keywords: Russian personal pronouns, pronoun «Ya» («I»), type of usage, lexicographic portraying, semantic derivation, lexicalization, substantiation, Russian language.

References

1. Paducheva E.V. Utterance and its correlation with reality (referential aspects of pronoun semantics). Moscow: Nauka, 1985, 272 p.
2. Krylov S.A. On the semantics of pronominal words and expressions // Russian Pronouns: semantics and grammar: Interuniversity collection of scientific papers. Vladimir: VSPI, 1989. P. 5–12.
3. Graneva I.Yu. On the referential and non-referential use of the pronoun we // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2008. No. 4. P. 206–210.
4. Graneva I.Yu. Pronoun we in modern Russian: a communicative and pragmatic approach: Dissertation of the Candidate of Philology. Vyatka State University for the Humanities. Kirov, 2010. 197 p.
5. Bühler K. Theory of language. The representative function of language / Trans. from German; General ed. and commentary by T.V. Bulygina, introduction by T.V. Bulygina, A.A. Leontieva. M.: Progress, 1993. 528 p.
6. Radbil T.B. Precedent texts in the language picture of the world // Language picture of the world in synchrony and diachrony: Collection of scientific works. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1999. P. 34–41.
7. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V. Word-forming innovations based on borrowed elements in the modern Russian language: linguoculturological aspect // The world of the Russian word. 2017. No. 2. P. 33–39.
8. Radbil T.B., Saigin V.V. Features of the paradigmatic and syntagmatic implementation of the conceptual field «sin» in the modern Russian language [Electronic resource] // Modern problems of science and education. 2014. No. 5. URL: www.science-education.ru/119-15195 (Date of access: 18.06.2020).
9. Radbil T.B., Marinova E.V., Ratsiburskaya L.V., etc. Russian language of the beginning of the XXI century: lexicon, word formation, grammar, text: Collective monograph. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2014. 325 p.
10. Apresyan Yu.D. Selected works: In 2 volumes. Moscow: Languages of Russian Culture, 1995. Vol. II: Integral description of the language and system lexicography. 767 p.
11. Vezhbtskaya A. Language. Culture. Cognition / Trans. from English; ed. and comp. M.A. Krongauz. M.: Russian dictionaries, 1997. 416 p.
12. Paducheva E.V. Semantic research (Semantics of Time and Type in Russian; Semantics of Narrative). Moscow: Languages of Russian Culture, 1996, p. 464.
13. Paducheva E.V. On semantic derivation: the word as a paradigm of tokens // Russian language today: a Collection of articles / Ed. edited by L.P. Krysin. Vol. 1. M.: Azbukovnik Publ., 2000. P. 395–417.
14. Kustova G.I. Types of derived values and mechanisms of language extensions. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 472 p.
15. Russian grammar: In 2 volumes / Main ed. by N.Yu. Shvedov; AN SSSR. V.V. Vinogradov Institute of Russian Language. T. I. M.: Nauka, 1980. 788 p.
16. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings: In 4 volumes / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of Russian Language; Under the general editorship of N.Yu. Shvedova (RSS). T. I. M.: Azbukovnik, 1998. 807 p.
17. Large explanatory dictionary of the Russian language. Comp. and ch. ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 p.
18. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 v. (SD). Vol. 4. Moscow: Ripoll-Klassik, 1999. 1144 p.
19. Efremova T.F. New dictionary of Russian language. Explanatory-word-formation: In 2 v. (CE). Vol. II. M.: Russian language, 2000. 1088 p.
20. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 14-e ed., add. / RAS, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language. M.: Azbukovnik, 2000. 944 p.
21. Russian Russian Dictionary: In 4 volumes / Ed. by A.P. Evgenieva (MAS). Vol. 4. Moscow: Russian language, 1988. 802 p.
22. Dictionary of modern Russian literary language: In 17 v. (BAS). V. 16. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1965. 1074 p.
23. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes / Ed. by D.N. Ushakov (SU). Vol. 4. Moscow: Terra, 1996. 1064 p.
24. Radbil T.B. Revealing the content and speech signs of unfair information in the expert activity of a linguist // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2014. No. 6. P. 146–149.
25. Radbil T.B., Yumatov V.A. Ways of revealing implicit information in linguistic expertise // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2014. No. 3 (2). P. 18–21.
26. Radbil T.B., Yumatov V.A., Graneva I.Yu. Manipulative Potential of Russian Pronouns in the Linguistic Examination of Disputed Texts // Language and method-6: Russian language in linguistic research of the XXI century: Collection of scientific papers. Ed. D. Shumska, K. Ozga. Kraków: Jagiellonian University Publishing House, 2019. P. 147–153.
27. Radbil T.B. Kognitivistika: Training manual. N. Novgorod N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2018. 375 p.
28. Vinogradov V.V. Russian language. Grammatical teaching about the word. Moscow: High School, 1972. 616 p.
29. Belousov V.N., Kovtunova I.I., Kruchinina I.N., etc. Brief Russian Grammar / Ed. by N.Yu. Shvedova, V.V. Lopatin. M.: Russian language, 1989. 639 p.